

Герман Власов

Девочка с обручем

Герман Власов

Девочка с обручем

Москва

«Воймега»

2016

УДК 821.161.1-1 Власов
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
В58

Дизайн серии: Сергей Труханов

Г. Власов

В58 Девочка с обручем. — М.: Воймега, 2016. — 80 с.

ISBN 978-5-7640-0183-7

Герман Власов родился в Москве в 1966 году. Окончил филологический факультет МГУ. Публиковался в журналах «Знамя», «Новый мир», «Волга», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Новый берег» и других, а также в различных антологиях и коллективных сборниках. Автор шести поэтических книг, в том числе «Просто лирика» (2006), «Музыка по проводам» (2009), «Определение снега» (2011). Переводил стихи и прозу с украинского, белорусского, татарского, грузинского, узбекского и английского языков. Живёт в Москве.

© Г. Власов, текст, 2016
© С. Труханов, оформление, 2016
© «Воймега», 2016

* * *

легко им смотреть свысока и белить потолок
где ласточка в чёрном грозитя ослабить шнурок
и руки летят и о пристань грохочет корма
капель за окном вот обещанный хлеб для ума
ручей будто уж отливает мазутом цветным
и город плывёт оловянною стойкою с ним
а там под мостом ждут несметные полчища крыс
ну что же родной соберись одноного борись
а я не боюсь ни капли ни то чего сверх
ни снег там ни ворон ни дождь и наверно ни стерх
но ласточек в небе хвосты будто волосы чьи
а тут под ногами лопочут живые ручьи
мы лужи обходим как блок александр обходил
в сердцах не ругаясь уже не крича на водил
а снег ноздреватый и с иглами тает ежом
и мы пролетим над москвою весенним стрижом

* * *

овалы незнакомых лиц
рук окрылённые кривые
сюда приедут из столиц
гулять по снегу в выходные

паломники из строгино
где ламинат в ходу и кафель
увидеть старое кино
листать альбомы фотографий

гербарий мёрзлый бузины
вдыхать и восклицать картинно
их повзрослевшие сыны
переболели скарлатиной

их чай в пластмассовом глотке
вино и бутерброды кучей
их рыжий пёс на поводке
затягивает в лес дремучий

они искусственный народ
их женщины белёсы рыжи
сойдут с платформы в новый год
и сразу надевают лыжи

а тот у края закурив
стучит о лёд зубцом ботинка
высматривает профиль ив
не для себя для фотоснимка

но не везёт и всё не в масть
там пересвет а здесь не тонко
но вот летит окурок в наст
и он скользит ему вдогонку

сосна бумажные флажки
лыжня ведущая к оврагу
и запотевшие очки
снег принимают за бумагу

* * *

мне позвонила западная славистка
сказала власов почему вы пишете в рифму
тексты ваши с душком семидесятых
вот каневский давно исправился
караулов старается
и посмотрите какая у нас молодёжь

ну как мы станем вас переводить

я не знал что ответить этой даме
теперь я не получу гранта
я никогда не увижу америку
обо мне не расскажут по радио свобода
я всегда буду появляться в свитере и джинсах
курить явскую яву (о явская ява)

с этой острой мыслью я проснулся
солнце ломилось в комнату жидким янтарём
снег плавился
я слышал стук капли
напоминающий короткие гудки
международной телефонной связи

ну вот и весна

* * *

Хочу отдельности, как летний дождь отвесный, —
не общности, не сети повсеместной;
единственности — карий с голубым
(не жёлтый, не зелёный — не с любим).

Ещё, затылком холодок почуя,
осмысленности тлеющей хочу я —
как молнии, отцарствовавшей в вышних;
хочу длиннот — повисшими на вишне.

Слепого солнца рыжие заплаты...
Окрылой тишины хочу крылатой;
царапающие — белоградин — санки,
икрины, пугливые овсянки

глаза и, будто сложенные вместе,
две палочки, две крохотные в тесте.
Вот вдумчивость намокшая, нагая
так желтоклюво, перисто шагает

по смоченной траве и по болотцам,
по маленькой губе, по обороткам
от пишущих машин; по их молчанью —
гудит огонь и пахнет кирпичами.

Не в зрелости ещё, но и не юной —
хочу пугливой красоты июня;
овсянок, лета, вишни и камина —
и молнии хочу, и муравьино...

* * *

Не называй никак этот день:
кто назовёт его — тот украдёт
свет его солнца, эту блажную лень,
взгляд через перистые, ветренный их полёт,
масляный глаз (нет, уже золотой),
дым прошлогодней травы (апрель — Рубикон);
это хозяин просится на постой
или хозяйка в платьице на балкон.

Щурясь, утром выйдет она встречать
кадмий рассвета, смешанный с голубым,
где на ветвях зеленеет Его печать,
будто бы ослик, въезжающий в Ершалаим.
Не был никем Он встречен, был одинок;
улицы сонной розарий слов не длинней.
Это потом — чашу или клинок,
спорили, вёз он — для будущих сыновей.
Это со временем научились петлять,
спорить дороги, ведущие в вечный Рим.

Не называй никак — не надо нас называть,
сами собой остаться если хотим.

* * *

среди запустенья и голых акаций
цыплёнок мимозы пробился сквозь кальций
и цвет его резок как будто пищит он
я вот он живой я ищите ищите
проверьте карманы у рваной толстовки
там семечки мелочь билет до покровки
в столе где бумаги в шкафу где одежда
ищите пищит не теряя надежды
вверх дном вверх тормашками всё оберните
но только найдите его и верните

но что это было летуче прозрачно
так бабочка билась оконно чердачно
так первые тёплые капли летели
так стёкла дрожали и стёкла потели
так прел чернозём и горел поселковый
фонарь так жужжанье о свет насекомых
толпилось обманку попутав с планетой
и семечко с тыквой и тыкву с каретой

так солнце блестит на подкладке февральской
зимы посреди со свечою бенгальской
стоит что гало распрямившись аршинно
и тянется сердце за ним петушино
и гости столицы и люди столицы
летят будто птицы летят будто птицы

* * *

Паустовский пишет...
В. Прокошин

вот опять апрель где пестрит от птиц
где наверно буду опять
выбирать одно из десятка лиц
словно почерк твой вспоминать

где зелёный шум не согнуть в дугу
или обручи на воде
если тёплый дождь где опять смогу
пропадать неизвестно где

с этим долгим шелестом тонких лип
жёлтом свете со всех сторон
где ни шум ни шорох ни даже всхлип
или окрик других имён

птицелова вешнего не отвлекут
по звонку не вернут назад
где смотреть на небо такой же труд
если видеть твои глаза

* * *

взрослым по локоть крашены стены лестницы и в пролёт
брошен будто букет на сцену клетчатый самолёт
хлопнет подъезда дверь и топот в летний из выходных
мой самолёт сорвался в штопор дребезг звонков дверных
солнце улиц и расстояний тополя тесен дух
столько открытий здесь и слияний не сосчитать до двух
жмурки брызгалки вкус барбариса прятки четыре пять
и выходя из пыльной кулисы я выхожу искать

* * *

Жить Москвы не замечая (взгляд куда-то вбок) —
проблеск улицы, её кривая, локон, локоток.
В будни взбѣшенный и пенный, на моргающем коне, —
милый мой Кривоколенный, ты приснился мне

в эту Троицу, в Её субботу связкою ключей:
пядь идущих на работу в тишине звончей;
ты утók или основа? Нитью, уводящей в рай,
так на Чистопрудном снова прозвенит трамвай;

úток стая перелётных, пряжа, полотно пруда
и чернил подземных откуп — зеркало (звончей) вода.
Это перстенёк потерян, найден. Чиркнул стриж.
Это, сам себе не веря, в зеркало на дно глядишь.

* * *

не смотри на сверкающий ливень
майский дождь несговорчив и прям
сколько жёлтых изломанных линий
разделили окно пополам

и к стеклу не спешి прикасаться
там качаются ветви гурьбой
их зелёные листья двоятся
и в отрыв уведут за собой

в акварельной такой мешанине
где гремит и рябит без конца
как у тёрнера в новой картине
дирижёра не видно лица

но когда отшумит — будет создан
удивительной радости день
словно кто-то расчёсывал воздух
и прогнал его дымную тень

и теперь она в глине и смальте
метростроевской шахты внутри
оттого пузыри на асфальте
настоящей земли пузыри

* * *

Воздух от смысла тягуч, узнаваем —
воздухом сходятся наши пути.
Комната (окна во двор) угловая.
Так не шути, больше так не шути —

ни занавеской, ни сном, ни торшером
(вещи свезли, их раздали за так).
Разве осталось, что в семьдесят первом
выпущенный рыжеватый пятак.

Отчим приходит, дымя папиросой;
бросит газету, беззлобно шутя.
Детское: ну, заплетите мне косу...
(Будь как дитя, лучше будь как дитя!)

Лето, и летнее солнце отвесно,
время в заварку вливать кипяток.
Чашка с оленем снимается с места:
— С сахаром? (Тёплый и сладкий глоток.)

Но исчезает и солнце и чашка,
сахар страны растворился уже,
разве подросток в немецких подтяжках
пишет письмо на втором этаже:

— Август проходит, и солнце заходит,
запад назавтра сгорит со стыда...
Но получатель без адреса бродит
и выговаривает: никогда —

летом ли, осенью — не было смерти;
август не может сгореть, умереть;
время облизывать клей на конверте,
на заходящее солнце смотреть;

время водою (прозрачной, проточной),
воздухом тёплым (ах, Боже ты мой!)
днём или ночью воздушною почтой
длинные письма отправить домой...

* * *

бабушка под веткою сирени
в летнем сарафане и платке
перешла в другое измеренье
стала с тишиной накоротке

ты беглянка в глянце чёрно-белом
словно льдом охваченный ручей
не шумишь ни голосом ни телом
но блистишь из глубины вещей

а вокруг всё так же без умолку
жизнь без промедленья и числа
ты однажды тёплой иглкой
в речь мою как заговор вошла

и прошла крестиком лиловым
этот лепет сонный горловой
если я к тебе иду за словом
бабочку увижу над травой

неприметный и неуловимый
танец твой свободы естество
мимо грядок мать-и-мачех мимо
и не обрывается родство

яблоня сирени куст и выше
бросив взгляд июньским и живым
ты уже над цинковою крышей
с облаком сливаясь кучевым

* * *

А. Перенову

Щёлкал ли, цокал, стучал языком —
всюду был первым и новым,
в тёмном орешнике, тёрне тайком,
дымном крахмале вишнёвом,

не обращая на поскрипы шин
ни промежутка вниманья —
был соловей на одной из вершин
в ночь на десятое мая;

ночь коротка, облака не плывут
за горизонты столицы,
и не последний, не первый салют
празднуют серые птицы;

вместе со всполохом ранней зари
гибла у Ржева пехота:
там, как и здесь, соловьи, соловьи —
с жабами спорят болота;

птицы небесные, музам друзья,
к дому ключи подберите,
не потому что соврать нам нельзя —
просто с собою возьмите

к видимой речке и тонкой листве
между огнями и тенью,
где в каждом вдохе и каждом глотке
пахнут победы сиренью.

Сестре

М. Ватутиной

гулять какое слово праздное
слоняться руки заложив
выводят улицы неразные
один прилипчивый мотив

ржавеют жигули а школьницы
в квадраты прыгают с числом
прабабки их уже покойницы
стеклянно охраняют дом

на кухне мать картинно бесится
глаза на мокром рёв опять
ну что над книгой длинно свеситься
об адвокате помечтать

придёт в очках и с чёрной папочкой
начнёт стихами ворожить
а я ему ну папа папочка
и до последнего любить

пройдут года советской вольницы
и потускнеют как аршин
на пмж уедут школьницы
иная очередь машин

блеснёт в окно порою летнею
уходит время налегке
любовь осталась незаметною
как строчка сонная в руке

посыпанная солью корочка
и сын опять сидит в сети
а я ему ну вова вовочка
иди гулять придёшь к шести

* * *

Воробьиное чирканье,
полупустой коробок;
окна настезь и чавканье —
яйца и кофе. Лубок

недолетний, где тёплые
липы ладони в густой.
Молодые, непотные
лбы на площадке пустой;

после сна и соития —
лифта сокрытый сюжет.
Битый кафель, событие —
в зайчиках сонный паркет.

На колёсах маршруточных —
соннице лиц, чешуя;
много их, промежуточных,
чайных, невыпитых. Я

разогнутой подковою,
чиркнувшей спичкой в лесу —
долгий звон, упакованный
привкусом горьким, несущий.

* * *

Такой рассвет, что разбудил жену,
и недовольно хлопала глазами,
но — пробудилась. С острия вокзала
луч высветил посёлка глубину,
прохожих редких, стаю проституток,
но выше — возвращающийся клин
из Африки полуголодных уток.
Тень шпиля уколола магазин.

Горел восток оранжевым, зелёным
и синим: так апрельское тепло,
будто ладонями, ощупывало сонный
и донный мир, где не всегда везло.
Прекрасное далёко, ты ли это,
лицо своё открывшее двоим?
Разбуженные языком рассвета,
мы в очереди первыми стоим.

Пока переливается и длится
как бы в немом замедленном кино;
ещё минута — быт зашевелится
и станет, как и раньше, — всё равно.

Старики

От долгой жизни в такт
и шелеста словами
они сошлись в цветах,
притёрлись головами.

Их вместе мучил труд,
будил рассвет обоих —
истёрлись, как лоскут,
сгорели, как обои.

И на закате дней
она, как он, сутула.
И сделался у ней
похожий взгляд и скулы.

Когда из тех глубин
мысль у неё мелькает —
то он её один
заранее читает.

Когда берут билет
или в метро заходят —
их держит общий свет,
где всё и происходит.

* * *

помолчим на латыни увидишь она оживёт
вот посланник Польшный зятянутый пряжкой живот
а глаза он скосил чтобы шум не тревожил письмо
сколько раз я просил обернулся и время само
так запомнило время нептичии эти черты
в окруженье деревьев домашних шаги разлиты
и кричит он домашним и Весту клянёт не со зла
всё пропахло вчерашним оливы и уши осла
будто ласточкой новой бежавшая мысль на просвет
на дощечке кленовой на ней не оставила след
все её отголоски собакою лязгнет засов
между костью и воском зазор как меж двух полюсов
не желая смириться краснеет и бьёт себя в грудь
сам становится птицей которую просто спугнуть

* * *

провинциальные учителя
рыбаки электрики и счетоводы
лучше других знают как летит земля
как змеёй ползёт через годы
шелестя травой состоя из частиц
всевозможных перечисленных и прочих
существующее небо есть язык для птиц
(как размашист в нём птичий почерк)
он мгновенно тает в зрачке твоём
зренье помнит нажим пера
разве радужка тот же земной окоём
голубая её кора
и в одном ещё циолковский прав
наступивший на слух травы
человек не просто тревожный храм
котелок где кипят миры

* * *

математик артист
и в пальто окрыляющем плечи
как любой эскапист
не выносит имперские речи

без окна человек
пешеход божедомки и лестниц
он задумал побег
как монаду придумывал лейбниц

а куда он бежит
и жена по порядку не знает
всюду клейкую жизнь
будто пролитый чай оставляет

в новый свет в тадангыл
за чернильной сизою тучей
только нежный распыл
только ветки в зелёнке пахучей

* * *

памяти А. Сопровского

говоришь погода теперь не та
мандарин не купишь снежок не слепишь
есть ещё могильная теснота
юбкой за ограду гляди зацепишь

и поэтов зрение не в чести
как оно сплелось там у евтушенки
принимают мёртвые до шести
за стеной сплошной на преображенке

и такого страха в помине нет
огорчится Иов своё отдавший
но спасибо Господи за тот свет
из-за туч октябрьских просиявший

за любовь и горечь за хлад и зной
всё как листья осенью всё красиво
если снег опять не пойдёт зимой
и за это тоже Ему спасибо

* * *

Плавни и сходни, вымостки и столбы,
лето Господне, взгляды речной слюды.
отрок рыбачит — соло, а не вдвоём,
что-нибудь значит, хмурится водоём.

Перед возможным — вечным и обложным —
людям несложно верить, что жизнь есть дым
и в сочетанье спичек на глади вод:
вот и названье — гладким лицом плывёт.

Как её имя, что ещё рассказать?
Кимры, Кириллов — дальше Киж и гать,
всполохи, грозы, запад тёмен и ал.
Метаморфозы — хоть бы кого поймал.

Тучи трескучи, ветрен и тёпл июнь.
Время как случай — каверзен, зол и юн:
розой ли чайной, охом, скрипом весла.
Жёлтая чайка окуня принесла.

* * *

Это в сером, это в белом, это кто...
Не привыкший к подаванию пальто...
Без улыбки, от которой... без палат...
(Даже цвет её помады небогат...)

Вкус провинции (синица, воробей),
мелкий дождь (скорей со лба его убей),
рыжий кот залез на груды кирпичей,
это город — город русский и ничей...

Это церковь... Тонет радуга в реке,
лезет божия коровка по щеке...
Белый клевер, ветки шорох, душный вздох...
Звёзды августа облаял кабыздох...

Стрекотание кузнечика с куста,
рядом корчится, как грешник, береста;
режет воздух поезд, давит мошкарю...
Дождь опять пошёл, закончится к утру...

* * *

Нагибаться за комарами,
печь сырыми топить дровами,
спать, чужим укрывшись пальто.
А когда сквозь росистый ладан
глянет в окна рассветный ангел —
ты толкни меня, если что.

Разбуди меня на рассвете,
ведь написано: быть как дети.
Разве плохо совсем не спать?
Рвать бутоны пижм с иван-чаем,
между тающим сном и чаем
прямо в детство своё шагать.

Там, где тонко, — там не порвётся.
А иначе всё распадётся:
дом, дорога, лесной ручей,
лодки, остров, Москва, Неглинка,
электричка, брусника с рынка,
где торгуют страной ничьей.

Он проснулся, и он уходит
ничего с нами не происходит,
и нам будет везти пока,
он доволен лишь частью неба,
и хватает простого хлеба,
ягод, чая и молока.

* * *

памяти Аси Каревой

со мной это было
я шёл у подъезда курить
на длинной скамейке
спиной к стене прислонялся
и близилась полночь
и куст начинал говорить
и голос черёмухи
ветром больным обрывался

и вышла луна
как наверно выходит на пруд
соседка-подросток
и были шаги её наги
и воздух звенел
в продолжении долгих минут
я видел такое
чего не сказать на бумаге

и то хорошо
что чудесному имени нет
что ночь безоглядна
и в тёмном таится живое
и сорванный лист
это чья-нибудь жизнь на просвет
и светится в малом
значение её грозное

откуда не знаю
начало такой красоты
наверное в том
что она умолкание шума

что нету страшней
и прекрасней её наготы
когда она смотрит в упор
словно кто-нибудь умер

я вижу и слышу
и я не могу рассказать
а только вхожу
как чужой в пелену грозовую
глядят испытующе
карие эти глаза
той вечной и первой
которую не назову я

светилась черёмуха
ночью когда при луне
она появилась
сначала взглянувшая мельком
потом будто вспомнив меня
обернулась ко мне
со мной это было
я вышел курить на скамейку

* * *

Над картошкой профиль кавказен,
алыча окружила томат;
каревишен и сливообразен
Арагат; аромат, аромат

от бахчи, от янтарных черешен
и охряной уже алычи —
так что преющий лук безутешен,
и склоняются люди-грачи

над промытой морковью, капустой,
над мешочками собранных бус
голубики; и вкусно, со хрустом
разрезается тёплый арбуз;

входит нож в полосатое пузо,
обнажая и мякоть, и сок;
так звенело, гудело арбузом,
что лицом обернулся восток;

а гороха стручки и цыплята,
а тягучего мёда слеза,
а, качаясь, воздушная вата,
незабудок лесных бирюза;

но уже у самих электричек,
у вокзала с кирпичной трубой —
на газете с десяток лисичек,
земляника, чеснок молодой;

на гвоздате, дощате перроне,
запестревшем мозаикой ног, —
ничего не останется, кроме
высыхающих луж в солнцепёк.

Танец

Так танец возникает: я хочу
порвать со старым, выцветшим, солёным
и сам себя от вымысла лечу
и удивляюсь порослям зелёным.

Мне в гости нужно, где меня не ждут,
но длинное настраивают зреньё,
и я тянусь, как медицинский жгут,
и совершаю новые движенья.

И, оказавшись между двух огней,
ломая слов подмоченные спички,
я разожму — тем жёстче и больней —
дверь тронувшейся в область электрички.

Москва мне в спину проливным дождём,
но скорость набирает стук колёсный.
Я в тамбуре, я заново рождён
и номер набираю судьбоносный.

* * *

Любимая говорит:
вот
здесь у меня болит.
Думаю об этом месте,
где мы оказываемся вместе.
Там сросшийся перелом,
ливень и метроном,
отчаянные стихи.

И продолжает: глухи
рассветы, иволги и ветра,
дым стелющийся костра,
исповедь таволги и повилики.
На воде отражаются блики,
в ванной шумит вода.

Вода с водою — всегда.

* * *

Е. Ф.

Когда учились, знал её во сне:
все ямки и холмы её фигуры;
она была как марка на письме
и памятник былой архитектуры;

через неё я резкость наводил
на марта свежевзмыленные пятна,
и я её, наверное, любил —
ведь возвращался из весны обратно;

в оконцах филигранного жилья
жилище было ангела и беса,
и если бы туда забрался я —
то потерял бы килограммы веса:

над в солнцепёк расхристанной толпой
капустницей трусил навстречу лету;
но стала мотыльком на выпускной
и партию составила кларнету;

я без неё, наверное, погиб —
он выдувал ей на потеху вальсы,
но я ещё запомнил братьев Гибб,
и тёплый пот, и синие ливайсы;

в другом пространстве где она теперь,
не нужно света с ней или погасла?

Но если распахнёт балкона дверь
сквозняк — скажу пространству: здравствуй!

* * *

Теплота от короткого слова,
а потом — долгота, маета.
Тереби его снова и снова,
будто глядя чужого кота.

Проводя между пальцев шерстинки
или — взвесив — о, хитрый прищур,
эскалатором ниже Неглинки
я похожие лица ищу.

Все они потянулись навстречу,
позабыли значенье одно.
— Добрый вечер, — твержу, — добрый вечер.
Опускаюсь на шумное дно.

И в вагоне умышленно старом
станет кресло толкать и качать.
От короткого слова удары —
говорить про себя, не молчать.

Букет

хорошо бы какую посуду
на шкафу если встать на кровать
красоту принесли отовсюду
и не жалко её обрывать

вот лохматое пламя сирени
одуванчики бронзой монет
незабудок теснят акварели
собирают на кухне букет

колокольчик герань луговая
лютик майника скошенный рот
и не страшно когда грозовая
на посёлок армада плывёт

хорошо что из разных названий
луговые растенья в воде
отменяют язык расстояний
значит места не будет беде

и наверное будет не страшно
если к ужину сослепу вдруг
с затаённой обидой вчерашней
в окна майский ударится жук

Картина Вермеера

— Вот так примерь, стань ближе к свету
и не во двор смотри — сюда,
чтоб солнце высветило летнее
белки и сделалась заметною
в них заблестевшая вода;
и воротник на кофте хмурой
как снег на черепице крыш
лежал. В тюрбане от гяуров
чуть вопросительной фигурой
вполоборота ты молчишь.

Молочны лоб и подбородок,
краснеет приоткрытый рот.
Что это — молодость, порода?
Твой водомеркою сквозь годы
взгляд испытующий плывёт,
сам спрашивая: это жемчуг,
воск белый, рыба чешуя?
Движенья губ одной из женщин
в весенней лихорадке шепчут:
— Она моя иль не моя?

Тебе сейчас пойдут любые,
рождая домыслы подруг.
Настали времена сырые...

Ещё тебя зовут Мария,
ты смотришь — с Севера на Юг.

* * *

Сон, прилипший к дереву улиткой,
остановленный губами смех...
Солнце, солнце, ты — моя улыбка,
ты — одна для всех

видима сейчас и ощутима...
Дальше — несколько часов
мы идём с тобой, как пилигримы,
в море голосов.

Мы несём волшебную минуту
эти несусветные часы —
окружным маршрутом, через смуту.
Вместе мы — весы:

если я теперь тебя забуду —
почерк, вес и суть, —
покачнётся чудо ниоткуда
и разгонит муть.

Свет июля — в замиранье, тени,
сутолоке, простоте;
в листьях, людях, гаме птичьем, в пенье,
ливне, духоте.

Мы одни на циферблате с ними,
нас не больше двух;
и тебя, наверно, не отнимет
разделенья дух.

* * *

Если пыльный лак — водоём, —
пыль на солнце вспыхивает, искрится.
Голова Орфея плывёт на нём,
рот раскрыв, будто завидя лица
длинных рыб, кувшинок, черешневые стволы
(свесив волосы, взгляд их — карий и чёрный):
— Не носить, — говорят, — тому головы,
лира чья зовёт на балкон из комнат.

Но зато всё тело твоё — вода:
речка гибкая, речь не выльется из кувшина.
Ты теперь не камень — стекло (посмотри сюда),
плод созревший рыжего апельсина.
Ты теперь в руке подвижной, женской, живой
тонешь, отпуская слов последние муки;
эта речка тебя унесёт домой,
как уносит листья и звуки.

А пока пророчествуй на лаке стола,
не лицом — кольцом и с кровавым камнем;
пусть болит твоя птичья голова
о тебе, чужом, несерьёзном, давнем.

Два этюда о Петербурге

1

в огромном городе дневальным за грош за так
меж молотом и наковальней найти сквозняк
покуда в лавках бьют посуду напрасно бьют
из тонкой форточки оттуда увидеть труд
неслыханный (там центрифуги и жернова)
там переулки дуют фуги дома слова

достооооо

в сём городе просторном в плаще в пальто
в тумане сером недостойном за грош за то
что здесь дождём идёт обижен чиновный грач
двойствен таинствен и книжен мозгляк трю-
кач голядка ветошка сырая обтирка чёрт вся
в отраженьях мостовая и хмурый пётр

достооооо

здесь выходить на невский догнать себя
по мысли может быть немецкой сердясь любя
смущаясь выстрела из пушки слабеть на крик
что немцу плохо то петрушка весь твой двой-
ник вначале робок и тушуясь в шинели сей
из переулка не из улиц в болото щель

достооооо

и петелька на шею и узелок голядка немка и
нимфея и сфинкс и рок

2

много чужих разобщённых людей
что же ты жук почему скарабей
в питере северном лица
колко небрежно двоится

портик канавка обводный канал
кто же тебя из италий сваял
бабочкой белою биться
бритвой немецкою бриться

гоголя гордого вздёрнутый нос
в питере бриться безумный вопрос
в куртке ключами шуршала
билась душа мандельштама

здесь от водицы холодной
скользко двоится болотно

* * *

незрячий сурик охра влажная
кругом сереют этажи
жизнь мимолётная бумажная
скорей про осень расскажи
или помедли мгlistым трепетом
огнём и пепельной каймой
издалека куинджи репин и
юон смеются надо мной
они смотрящие сквозь золото
нагую стужу октября
не пеплом посыпают головы
но как рисунок говорят
между осин и лип привязанных
к земле замёрзшей и родной
они в потомках недосказаны
и разминулись с тишиной
а мы немые и случайные
услышав лепет на ветру
поверим в эти обещания
сквозь самый мутный сон к утру

* * *

откуда горькая равнина
такой знакомый дым
мы разошлись как украина
и потеряли крым

нет это было возле мая
и перегон стучал
и лавры к сердцу прижимая
нас обошла печаль

попробуй жить хотя бы смутно
и быть довольным тем
не нагнетая поминутно
любимую из тем

попробуй вспомнить не отчаясь
один из выходных
где дамы в чепчиках кричали
и не бросали их

как сложно жить не беспокоясь
и лёжа на песке
где совесть хрупкая как совесть
висит на волоске

Судак

Мгновение, остановись —
большим, расплывчатым.
Сожмись и на экран явись
лицом улыбчивым.

Лицом в веснушках, может быть,
ресницах (рыжих ли?).
Мгновение — другая жизнь:
неровно стрижена

причёска, выгнута спина
(о детство голое!),
зеленоглазая волна
обнимет холодом

рук загорелых стебельки,
на шее ракушку.
Рассол въедается в буйки,
песок и тапочки-

вьетнамки, взмахов кисея
(земля оставлена).
Мгновение — мечта моя
уже ославлена

всем, что сейчас звучит во мне, —
шипящей пеною,
коробкой чёрной на ремне,
Восьмою Сменою.

* * *

Праздник закончился — тёплый, холодный, женский;
время меняется, как ни сердит Бжезенский.
Люди везут — мясо, крупу и сало;
девочка с обручем бегаёт по вокзалу,
вертится возле скарба, пакетов, кошки.
Тянутся люди, чтоб покурить в окошко:
дым слюдяной, столб привокзальной пыли.
Кто им сказал, что поезд не отменили?

Кто написал: встречу воздушной почтой,
будет весна, видел первые почки,
щебет скворцов, смысл их первый услышал.
Лица отцов — снег закружил и вышел
серым, как тол и потолок палаты.
Мартовский столб, белые масхалаты
с чёрными пятнами, будто разводы туши.
Помнишь, как прятались в праздник детские души?
В угол, под стол — будто от чёрной кошки,
будто от пугал — в золото букв обложки;
в шкаф ли, где облако, скатанное рулоном, —
чтобы стать обручем, заповедью, кулоном.

Время назад — где без названия повесть.
Стёкла дрожат — это за нами поезд.
Почерк небесный, луч золотой отвесный.
Как интересно, Господи, как интересно!
Пани Ляшенко в пене мокнет, как в вате,
пан Колошенко мордой уснул в салате,
видит: над ним плывут облаков колечки —
розовый Крым, зелёные человечки.

* * *

Я войду сюда по памяти,
будто книгу перелистывая:
листья обрывались, падали,
в сумерках шуршали искрами,

я гуляю с рыжей сукою
и вдыхаю запах тления —
мне совсем не будет мукою
написать стихотворение

об охряных листьях полночи,
о шагах и о дыхании
языком почти беспомощным,
но певучим, с придыханием;

пропуская в осень лучшее
на страницы, где без отдыха
рифма, падчерица случая,
скорбным мучается воздухом;

новый поводок натянется
на шаги твои без повода,
хочешь, мысль моя останется
этим оголённым проводом

освещения неяркого
над землёй остывшей, голою
в восклицательных с помарками,
в прилагательных с глаголами?

* * *

где рябины глаза красным зябнут в тумане
как в руке стрекоза будто мелочь в кармане
говорить обо всём о большом и нескромном
если шёлковый гром утром высыпан ровно
на его языке всякий взвешен и нищий
будто в тёплой руке расставания ищет
не сухой не живой непрозрачное тело
это там за рекой это словом слетело
без конца говорить бесполезно без толку
это с крыльями нить ищет в небе иголку
или бабочка кров от дождя увернуться
и находит грибов пересохшие блюда
это губы осин в раму вмёрзшие льдинки
это ливневых спин поздние поединки

* * *

Я приходил за нею много раз,
я в дверь стучал, заглядывал на окна —
там свет горел; там, видимо, был газ;
из форточки на кухне пахло свёклой
и яблоками; реже табаком
и кофе (да, тот самый, растворимый);
я, будто зверь, — из темноты, тайком
глядел на кровлю и порог любимый.

Ещё я знал — там были книги, где
между страниц посеянная память
всходила, как рассада при дожде
(она страницы трогала руками);
там были вещи комнаты, их жизнь:
торшер, комод; там жили постояльцы:
стаканы, блюдца, вилки и ножи;
любимые вещей касались пальцы.

И я стоял и ждал, когда ко мне
дверь скрипнет, и откроется фрамуга,
и выйдет на внимательной волне
мелодия (я думал, будет fuga).
Дождю открытый и под небом гол,
я ждал её (я так себе измыслил) —
когда она обнимет тёплый ствол
и мы уйдём до облаков по листьям.

Листва упала, зренье изменя,
и белизна приманивала стужу,
та женщина смотрела сквозь меня
и в трубку выговаривала мужу.

Летали хлопья снега, как в кино,
не слушая земного притяженья,
а я стоял, как дерево одно, —
в окне я видел все её движенья.

* * *

Обувь зимняя, бесшумная,
лужа у двери железной.
— Здравствуй, гостя полоумная, —
в здравии, в болезни.

Занавеси образцовые —
как крахмал или сметана,
в вазе рыжие, пунцовые
три скрипучие тюльпана;

чайник, пышущий в агонии, —
режиссёром на массовой.
Просто проведи ладонями
по кофейной полировке,

напиши на пыльном зеркале
имя из отрезков мнимых,
проплывая водомеркою
набережной Неисцелимых.

* * *

Зимою не бывает лета,
но гул нахмуренный затих;
сняв перстень с мёртвого поэта,
актёр его читает стих,

спешит и паузы ломает,
а то растягивает речь, —
но снег на избах низких тает,
и начинают воды течь;

и ласточка летит в подмости,
где со звездою говорит;
несорванное — отголоском
на ветке яблоко горит;

и листья, и сухие травы
дымят в покинутом саду —
и сердце, захотев отравы,
забьётся в огненном бреду;

и хлопья за окном мелькают,
необычайны и тихи.
А перстень всё-таки сверкает,
а люди слушают стихи.

* * *

У Бахрушина снежный вырост —
поскользнуться и улететь.
Жидкой бронзой луна умылась,
ветер будет крещендо петь

и, за Лунной не успевая,
замирать, как в старом кино, —
это лисы нас понимают
и осматриваются: нет ли нот

лишних после дождя меж сосен
(слышно флейту и барабан
сякухати). Многоголосен
вечер. Вечер — как нотный стан:

нужно, вместе идя с толпою,
заносить над снегом стопу;
думать, что это там такое
как в раскачку идёт, и тут

дотянуться до серебристой
силы в горле и голове.
Это музыки снег неистов,
это лисы ползут в траве,

землю нюхая осторожно,
корневища, стволы, кору;
этой музыки невозможной
одуванчик сейчас сорву.

Проплывёт особняк ли, терем
над решёткой стальной нот,
и луна напряжённым зверем
всматривается в Новый год.

* * *

Кто по лицу плывёт и оплывает мели;
на дыпочках застыл, газетой машет кто;
небесный тихоход, коровкой божьей еле
ползёт кто по щеке; кто — родинка, пятно?

Почти неразличим его рассветный абрис,
рисунок, серафим с наружной стороны:
кто встал на стремянах и замахнулся саблей
на помутневший звук от лопнувшей струны?

Чей ладан, антрацит по русскому вагону
проходит, не будя фонемы спящих тел;
квадрат спины, пальто: что продают? — Икону.
Ребёнок посмотрел, и ангел улетел.

Но речь его шагов — серебряная сила:
узор, углы страниц (там близко — где изгиб);
но в комнате теперь, как и тогда, — красиво;
зима блестит в окне, как чешуя у рыб.

Крымское облако

1

Девятое — как запах корвалола
и папирос в неряшливом дыму,
поскрипывает танго радиола...
Мы этот август проведём в Крыму,
чей общепит и отдых станут нашим
и вашим. Чей расплавленный зенит
и Планерского голубая чаша
по самой кромке галькою звенит.

Но это будет летом, а весной,
пока последний не гремел звонок, —
желание учебником закрою,
захлопну дверь, в рогожу, под порог,
железный ключ под ковриком я спрячу,
возьмусь читать главу про Древний Рим;
на лето мы снимать не будем дачу,
но решено: семья поедет в Крым.
Гармоника мне больше слух не режет,
большие не смущают голоса,
в потоке слов я отвлекаюсь реже —
над Римом Киммерии небеса.

2

Римское облако —
крымского не длиннее;
ракушка с ободом
у пацанов на шее;

с этой вот ракушкой
радоваться не сложно —
всей своей радужкой,
кожей своей, подкожно

влажному трепету,
крупным звёздам и южным,
чайкам, их лепету,
крыльям, крикам натужным;

поймана невидаль —
крабы и горсть креветок —
марлевым неводом,
парой сломанных веток;

чёрные мидии,
содранные стамеской;
сторож невидимый,
мой гребешок на леске.

3

Гибкая речь,
плечи мои обгорели;
если прилечь —
чайка над морем реет.

ночью был шторм,
ветер, ливень неистов;
ветер прошёл,
выключился транзистор.

Как хорошо
пахнет от моря тиной;

мамин ли шёлк,
бабушкины сатины —

платья в комод,
на плечики сарафаны;
утром компот,
в полдник чай со сметаной;

нужно ещё
быть загорелым юнгой,
ножик нашёл —
значит, вырежу флюгер.

4

Чемодан из жёлтой кожи,
ласты, маска, поплавки;
заплывал ли ты, прохожий,
за опасные буйки?

Нос заклеивал газетой,
уклонялся от медуз?
Если нет, то этим летом
ты не пробовал на вкус

ни креветок, ни рапана,
ни горячий суп харчо;
ложка в чашке со сметаной,
обгоревшее плечо,

брызги, ветер, шум прибоя,
самолёт над морем, Крым;
море, небо голубое,
море с облаком над ним.

* * *

Обращаю внимание, как в окне наяву
снегопада Германия полонила траву;

как широкими хлопьями вся укрыта земля,
где с высокими копиями липы и тополя;

как скрывает неровности и владений объём
убежавший огромности, пересвеченный гром;

эта пена молочная перемены вершит:
всё большое и срочное отложить надлежит;

жить бы проще, без умысла — наобум, наугад;
так о чём ты задумался, выходя в снегопад?

* * *

Пасмурных веток олени рога
ночью от ветра бьются.
Если с тобой пойдём на врага —
надо теплей обуться.

Зубы почистить, побрить лицо
и, прозвенев ключами,
на заметённое снегом крыльцо
с личными встать вещами.

Из второгодников кто, верзил
к нам накопил обиду,
по скудоумию искажил
образ девочки Лиды?

Надо собраться в парке у лип
по двое или по трое.
Облака лобные доли — Олимп,
жидкий подлесок — Троя.

Чей о Щелкунчике рваный текст
ветром гуляет в поле?
О фарисеи, о крекс-фекс-пекс,
о буратинья доля!

Кто самураит и бьёт в там-там
о вдохновенье свежем?
Душно им там, душно им там —
в Лондоне, Киеве, Льеже.

* * *

Всё слух теперь и свет звезды большой —
открыта дверь, сквозит в вечернем небе;
и ласточкой слетает на постой
о мире просьба, о вине и хлебе.

Какие ласточки? В пустыне нет вина,
здесь хлеб не сеют. Разве караваны
как рваная волочатся струна —
везут приправы, фиги и тюльпаны

(их луковицы). Вот один из них,
с верблюжьей мордой, как поникший ирис,
из темноты сгустившейся возник.
Наверное, с пути в потёмках сбились.

Вот у порога трое. Пестротой
их поражают шапки и халаты,
их речь от гласных кажется густой,
и лица их с улыбкой бородатой.

Они приносят финики, муку.
И (чудо!) за муку не просят денег.
Движенья их неслышные в шелку
таком, что не отбрасывает тени.

И не понять, зачем они сюда
с торгового маршрута завернули,
но вот еда и чистая вода,
и есть вино в расстёгнутом бауле.

В свою палатку приглашу гостей,
где накануне новый крик забился,
и я не жду от неба новостей —
в пустыне этой ночью сын родился.

Два стихотворения

1

Он присел —
потеют меньше сидя, —
вытер лоб обратной стороной
плотницкой ладони.
Он увидел,
как на коже выступила соль
зёрнами радения земного.
Со спины, с обратной стороны,
на рубахе выступило слово.
Нет,
черты видны:
женщина с ребёнком на руках
в облаках.

Выше, выше, плотники, стропила:
близок, что Арей, жених и гость.
Он умеет ладно и красиво
всаживать по шляпку медный гвоздь
в плоть сухой неплодной сикиморы,
тени не дающей между скал.

Он в дороге и прибудет скоро.
Он сказал.

мария не пряла не вышивала
но всякий день восторгом проживала
ища любовь как воздух воздух был
горяч в нём плыл

хамсин который смахивать рукою
со лба и платья устаёшь покоя
марии нет есть только взвесь и пот
её но вот

не пыл сухой не лепестки пустыни
но будто море синее прихлынет
глядит кругом всё разом умерло
шесть крыл гало

видны и эти радуги над кровом
всё в новом свете в откровенье новом
что пряжу прясть как слушать моря шум
идёт на ум

здесь где любовь как азбука незрячих
узнаешь столько губ сухих горячих
покуда не поймёшь живёт вода
теперь всегда

тогда и звёзды кажутся весами
и можно смоляными волосами
мужские ноги насухо тереть
и умереть

* * *

Типажи новостроек, блуждание жёлтой маршрутки по метели, по льду, в подворотнях, где ветер утих; сыроежки, лисички, живущие в заводи утки, облака, облака и бегущие тени от них.

— Узнаёшь? — Узнаю. Козырёк от бетонной коробки. Вкус «Пегаса» на лестнице, лужицы в охре пыльцы, слякоть и листопад. Но всё это выносят за скобки: просто кончилось время, в котором мы были жильцы.

До свидания, ласточки, белки, синицы, стрекозы, запах сонной земли, правота маслянистых ручьёв; первый снег, первый гром, не последние метаморфозы, подбирание отмычек — ночной разговор соловьёв;

это липы листы, желтоваты от летнего света, вкусом как лимонад, леденец под названием «В полёт»; это опус шмеля, это кончилось, кончилось лето и, натужно гудя, высоту набирал самолёт.

* * *

На подкладке имя хлоркой
и воротничок подшит,
всею белизной, подкоркой
время память ворошить —

тощей юности страницы,
угловатые весьма, —
воскрешать неблизких лица
синим бисером письма;

в них казаться деловитым:
хвастать, верить, жить, просить
(пахнет дёгтем, не самшитом
мыло — так тому и быть);

чтоб через мороку лета,
хмурые муссоны зим
получать на них ответы
с тем же бисером ручным;

этот жанр эпистолярный
твёрдо сложен на груди —
в Душанбе, Самаре, в Нарве...
Ты дождёшь меня? — Дожди...

* * *

О чём скрипит вчерашний снег
на утреннем морозе?
Из дома вышел человек,
чужой домашней прозе,

он был бессмертию никто,
неточная огласка,
в отцовском стареньком пальто
под именем аляска;

и вот, когда горел восток
и было зябко, колко, —
он в горле ощутил росток,
он задышался шёлком;

стучал в виски прибоя гул,
он шёл как на магните,
как будто кто его тянул,
приподымал на нитях,

и убеждал, и выпрямлял,
и мыл морозным светом;
он сам себе, как ни был мал,
казался вдруг поэтом —

он заглянул через рассвет,
как сквозь какую плёнку,
и понимал, что смерти нет
поэту и ребёнку,

есть новый свет, — его лицо
так строго и красиво,
что должен кто-нибудь ещё
за всех сказать спасибо.

* * *

без вас обоих как без верных слов
всё остальное слишком непонятно
где ткань а где канва уток и шов
белила сурик масляные пятна

и наконец апреля благодать
наружный блеск зов дудочки лукавой
и я рискую весело блуждать
как по холсту ван гога куросава

а с вами и секунды небыстры
то под руку то порознь сёстры-рыбы
трава дерева звёзды и костры
в одну ладонь устроиться могли бы

и улица чья башенка остра
и лестница не якова витая
храни тебя от вымыслов сестра
серебряная рыба золотая

* * *

С. Янышев

куртка его выдаёт с головой
тушь отогреет и пишет по-русски
ласточек с юга увижу конвой
ласточек узких

дни мои ночи на длинных весах
мёд мой накопленный воском сгорая
инеем лёгким в твоих волосах
не был вчера я

божия птица на солнце поёт
дом мастера из апрельской соломы
чуден аптекарский твой огород
боже мой кто мы

если весна то и шапку долой
ниткой капли потёкшие крыши
куртка его выдаёт с головой
птицам и выше

так высоко задохнуться боясь
туч грозовые чернила разводы
слева направо зелёная вязь
ласточки всходы

* * *

им смешно а люди не летают
начитавшись самгина и федр
но антенны хвойные впитали
и передают весна я кедр
вскрыты реки в одури овраги
бронзой мать-и-мачехи растут
вместо пасхи глобусы и флаги
токаря и сцепщики несут
стольких лиц в кашне в пальто вспотевших
пропуская море встал трамвай
говорят про двое полетевших
и один ученый николай
нужно вместе сообща решая
кедр кедр я заря приём
то ли строя то ли воскрешая
прыгнуть заглянуть за окоём
но пока шутник не кончит чтение
тычет палец пыльное стекло
почему весной так мало тени
почему в апреле так светло

* * *

живи не трогая эскизы
за красной крышей тёмный пруд
грозу рассматривая снизу
так ранней осенью живут

дождь ходит с цинковой лейкой
стрижей возносит духота
и запах пойманной уклеи
зовёт бродячего кота

и если всё сложилось просто
берёзы ветер и цветы
в тебе нечаянный подросток
заговорит из темноты

загомосит печная сажа
дождя проступит метроном
но будет радуга в пейзаже
подвижном зеркале живом

и всё от первых звёзд до кровель
начнёт кружиться колесом
и вечер августа огромен
и сам рисунок невесом

* * *

образовалась пустота
нелепая как будто в доме
стола не стало и холста
в образовавшемся проёме

почти реально ощутим
был невесомый птичий холод
и будто говорил впусти
тебе больной и нищий голубь

там были птица и вокзал
она пробиться вглубь хотела
на грудь к тебе и рассказать
как больно языку без тела

того которое тепло
носило бы ещё лет десять
но это мёртвое стекло
платком решили занавесить

оставить видимость одну
сердец какая не пронзает
нам больно видеть тишину
когда октябрь дождями залит

и просит всех пересказать
посланец в сущности бескрылый
(ему сегодня тридцать пять
и яблони в цвету и силы)

что вот отыгран первый тайм
и на чужой просторной даче
случится страшная из тайн
что всё любовь переиначит

жизнь двинется наоборот
и людям смерти будет мало
и дождь дробить не будет лёд
у павелецкого вокзала

* * *

— А ну, сыграй! Забыл уже
пройти по памяти, вслепую
по ослепительной меже,
где голубино, врассыпную

ватага воспаряет нот
к зрачку чудовища, циклопа;
и стрелки вспять, наоборот
завертятся, и надо хлопать,

как птицы крыльями, как рыб
о лёд чешуйчатые блики;
ломая немоту, следы
ведут Орфея, Эвридики;

будя траву, неся восход,
сближая всё огнём и пеньем
и веруя, что в сам восторг
они проникнут с изумленьем.

* * *

Я для себя придумывал побег:
осматривал себя, траву и небо,
смотрел в окно на близорукий снег,
я этим снегом не был.

Я воду брал в ладони, и она
через ладони в море утекала,
я начертил на глине имена —
но это было малым,

чем запах первый клейких тополей
и душный пар дешёвого бензина,
чем парочки во глубине аллей,
снегирь на ветке зимней;

ещё младенца синие глаза
и что стоит и движется за ними,
что на словах пересказать нельзя, —
то пар оно, то иней,

то молодость, то старости укор,
тяжёлый сон, нахлынув к изголовью;
всё, что зовёт нас выйти на простор,
переболеть любовью.

Содержание

«легко им смотреть свысока и белить потолок...»	3
«овалы незнакомых лиц...»	4
«мне позвонила западная славистка...»	6
«Хочу отдельности, как летний дождь отвесный...»	7
«Не называй никак этот день...»	8
«среди запустенья и голых акаций...»	9
«вот опять апрель где пестрит от птиц...»	10
«взрослым по локоть крашены стены...»	11
«Жить Москвы не замечая...»	12
«не смотри на сверкающий ливень...»	13
«Воздух от смысла тягуч, узнаваем...»	14
«бабушка под веткою сирени...»	16
«Щёлкал ли, цокал, стучал языком...»	17
Сестре	18
«Воробьиное чирканье...»	20
«Такой рассвет, что разбудил жену...»	21
Старики	22
«помолчим на латыни увидишь она оживёт...»	23
«провинциальные учителя...»	24
«математик артист...»	25
«говоришь погода теперь не та...»	26
«Плавни и сходни, вымостки и столбы...»	27
«Это в сером, это в белом, это кто...»	28
«Нагибаться за комарами...»	29
«со мной это было...»	30
«Над картошкой профиль кавказен...»	32
Танец	34
«Любимая говорит...»	36
«Когда учились, знал её во сне...»	36
«Теплота от короткого слова...»	37
Букет	38
Картина Вермеера	39
«Сон, прилипший к дереву улиткой...»	40
«Если пыльный лак — водоём...»	41

Два этюда о Петербурге	42
«незрячий сурик охра влажная...»	44
«откуда горькая равнина...»	45
Судак	46
«Праздник закончился...»	47
«Я войду сюда по памяти...»	48
«где рябины глаза красным зябнут в тумане...»	49
«Я приходил за нею много раз...»	50
«Обувь зимняя, бесшумная...»	52
«Зимою не бывает лета...»	53
«У Бахрушина снежный вырост...»	54
«Кто по лицу плывёт и оплывает мели...»	56
Крымское облако	57
«Обращаю внимание, как в окне наяву...»	60
«Пасмурных веток олени рога...»	61
«Всё слух теперь и свет звезды большой...»	62
Два стихотворения	64
«Типажи новостроек...»	66
«На подкладке имя хлоркой...»	67
«О чём скрипит вчерашний снег...»	68
«без вас обоих как без верных слов...»	70
«куртка его выдаёт с головой...»	71
«им смешно а люди не летают...»	72
«живи не трогая эскизы...»	73
«образовалась пустота...»	74
«А ну, сыграй! Забыл уже...»	76
«Я для себя придумывал побег...»	77

Герман Власов. Девочка с обручем

редактор:

А. Переверзин

корректор, технический редактор:

О. Тузова

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 2.03.2016

Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 5

Тираж 500 экз.

Стихи Германа Власова не в ладу со школьной логикой и грамматикой. Они прежде всего хотят передать впечатление во всей своей сиюминутности и свежести. Они состоят из цветных мазков, световых пятен — мерцания холодного зимнего дня, бликов апрельского солнца, клякс дождя. Это игра в жмурки с жизнью, это музыка случайностей, вечный поиск того, чего на свете не бывает, вечная ошеломлённость тем, что есть.

Григорий Кружков